



В смерти не было ничего страшного. Он был бы даже рад ей. Его пугало место, расположенное где-то на полпути . Для некоторых

это были Крипта, Тартар или Лимбо, для иных -- Шеол, Земли Теней или же Безнадежность. На древней Колхиде оно было

известно как Барзек. Дословный перевод был простым и недвусмысленным -- Пытка.

Говорили, что обреченные скитаться по ее пепельным полям прокляты более, чем кто бы то ни было. Они пребывали здесь,

терзаемые призраками, растерянные и заблудшие . Их переполняли бессильная ярость, страсть и раскаяние. Не в силах пройти

вперед , но также неспособные вернуться к оставшейся позади жизни, они были заточены посреди серой пустоты и обречены

на вечную пустоту.

Впрочем, теперь он знал, что старые рассказы лгали.

Возможность вернуться назад была.

- Бүриас, -- этому голосу здесь было не место. Это было вторжение. Он попытался не замечать его, однако тот был настойчив.

- Бүриас Драк Шал

...

Он осознал боль. Она расцвела внутри, нарастая, усложняясь и усиливаясь, пока пламя не охватило каждый дюйм тела. Он ослеп

от тьмы, но все же ухмыльнулся, растянув окровавленные губы в злобной гримасе.

Боль -- это хорошо. Боль можно выдержать. Он был жив и еще не помещен в обещанный ему Темным Апостолом ад. Бүриас принял

боль, позволив ей вернуть его с границ забвения.

Он знал, где находится -- глубоко внутри Базилики Пыток на Сикарүсе, мире, который XVII Легион избрал своей родиной. Его

приволокли сюда в цепях бывшие братья,

но он понятия не имел, насколько давно это произошло. Казалось, прошла вечность. Постепенно вернулись чувства.

Первым на него обрушился запах. Жаркий, приторный и отталкивающий -- вонь отмирающего животного. Страг висел в невыносимо

влажном воздухе, словно осязаемый кожей. т у м а н - маслянистый, липкий и мерзительный. Его можно было попробовать на вкус.

Тошнотворный несвежий пот, обугленное мясо и жженные волосы -- ничто из этого не могло в полной мере скрыть зловоние желчи и

отмирающей плоти.

Но еще сильнее он чувал кровь. От комнаты разило ей.

Вернулся слух, и он смог разобрать тихий шепот, пение и приглушенное шарканье ног по твердому камню. Он услышал лязг цепей, шипение пара и механический скрежет шестеренок и поршней.

Это не твоя судьба.

Слова были произнесены с уверенностью того, кому не требуется повышать голос, чтобы его услышали. Интонации были знакомы, но он не узнавал их. Бүриас попытался ответить, но губы сохлились, потрескались и кровоточили, а горло было ободрано и болело.

Он сглотнул, ощутив вкус крови, и предпринял вторую попытку.

- Кто ты? -- выдал он.

Я есть Слово и Истина.

- Твой голос... он у меня в голове, -- произнес Бүриас, гадая, не сошел ли с ума от мучений. -- Ты настоящий? Дух? Демон?

Я -- твой спаситель, Бүриас.

Окружавшее тарево медленно обретало четкость. Он смотрел на восьмиугольный сводчатый потолок, который был окутан траком

и освещен лишь горсткой слабо горевших подсвечников, прикрепленных к окружавшим его восьми колоннам. Над ними клубился

маслянистый дым, тяжело

поднимавшийся вверх.

Бүриас лежал на низкой каменной плите, раскинув руки и ноги, прикованные тяжелыми цепями к полу. Опутывавшие его звенья

были размером с кулак костюгесантника, а на лодыжках, запястьях и шее были замкнуты тяжелые оковы. Плоть

вокруг уз почернела, стерлась и сочилась влагой, прогорев почти до кости.

Оковы были покрыты древнеколхидской клинописью. Тщательно скопированные из Книги Лоргара могущественные рунические

надписи светились, словно раскаленный камень, воздух дрожал от излучаемого им адского жара. Также угловатые символы были

вырезаны прямо на плоти Бүриаса, и в них тоже теплился пылающий жар.

От тела остались руины из грубой рубцовой ткани, ожогов, порезов и следов плети. Священный боевой доспех сорвали с него, часть за частью с нетерпением и

альностью ключущих добычу грифов. Там, где броня с годами срослась со сверхчеловеческим телом, ее грубо срезали тясницкими ножами и клинками, которые, как он подозревал, специально затупили, чтобы сделать работу более долгой и кровавой. Его подвергли всем тупкам, какие только возможно представить. Но он не сломался.

Ты уже сломлен, но твой разум отказывается сдаться с этим.

- Ты лжешь, - судорожно выдохнул Бүриас.

Нет. Я здесь, чтобы помочь тебе.

- Ну так помогай!

Взгляни налево. Это выход.

С некоторым трудом, вызванным болезненной ограниченностью движений, Бүриас повернул голову. Перед ним была усиленная

дверь катеры. Она была закрыта и заперта на засов, с ее поверхности, словно отмершая кожа, сыпались чешуйки ржавчины. Дверь

была массивной, толстой и прочной. На
окружавшем ее камне были высечены
рунические обереги.

В тени ниш по обе стороны от двери
сгорбились два грозоздких экзекутора.
Огромные даже по сравнению с
костомодесантником и

чем-то слегка напоминавшие обезьян
механо-демонические часовые казались
полностью безжизненными, если не
считать

непрестанно моргающих во мраке глазных
сенсоров. Бронированные чудовища, чья
ярость едва сдерживалась, механические
конструкции были сооружены на основе
мозга и нервной системы, некогда
принадлежавших людям, хотя в стальных
телах уже

давно были заключены демонические
сущности.

Пробудившись, они с легкостью могли бы
разорвать его навое громадными
силовыми кулаками. Даже будучи
ослабленным,

скованным, измученным и лишенным брони, Бүриас уставился на них прищуренным взглядом высшего хищника, оценивающего соперников.

Мыскұлы напряглись, когда тело откликнулось на желание сражаться, но он был надежно связан и знал, что любая попытка

разорвать нүты тщетна. На спасение не было надежды.

Тебя держит в заточении лишь твое собственное восприятие, Бүриас. Ничего более. Ты веришь, что выхода не существует, и потому его действительно нет.

- Ты можешь читать мои мысли, - произнес Бүриас.

Да. Ты понимаешь, что говоришь не вслүх?

- Кто ты?

Ответом на вопрос Бүриаса стала тишина.

- Ты Драк`Шал?

Опять молчание.

Дреmlющих экзекуторов внезапно
заслонила прошаркавшая перед ним
бессвязно тараторящая темная фигура.

Вокруг появилось еще больше таких
закутанных в одеяния, внимательных,
шепчущих фигур, чьи лица скрывались в
тених глубоких

капюшонов. Это были омерзительные
существа, сгорбленные и истощенные,
сквозь их черные облачения явно

простатривались очертания ребер и
позвонков. Руки были серыми и тонкими,
словно у трупа. Из плоти выходили
проржавевшие

кабели и трубки, сочащиеся поxожей на
толоко жидкостью. Костлявые пальцы
оканчивались набором изл, крючьев,
клинков и

кронциркүлей. Все это было запятнано
кровью. Его кровью.

К расположенным посередине каждой из
восьми колонн потешения закрытым
альковат были навсегда подключены

лоботомированные канторы. Они издавали
долгие и монотонные потоки литаний
связывания и сдерживания, все их
существование

сводилось к одной лишь этой обязанности.
Глаза удерживались открытыми при
помощи проволоки, а чрезвычайно тучные
тела

имели бледный оттенок, присущий
существам, которые никогда не видели
дневного света. Перед ними непрестанно
разворачивались свитки бутаги. Рты
кровоточили от силы громко
зачитываемых слов.

Все в камере, от рунических оков до
нагнущей нас дверью и заунывного пения
канторов, служило единственной цели --

гарантировать, что демон Драк`Шал
остается крепко связанным, умирным и
неподвижным.

Пока демон внутри него грелся, Бүриас
был таким же, как и любой из братьев-
воинствителей Воинства, полубогом войны в
сравнении с

более слабыми неусовершенствованными существами, но все же лишь тенью себя бывшего. Он едва ощущал присутствие демона, и

это терзало его больше, чем любая физическая мука. Как будто он утратил часть самого себя, нечто столь неотделимое от его

сущности, что по ощущениям его словно рассекли нагвое.

Демон был заключен в его плоти в первые дни после принятия в Легион. Он был одним из немногих особенных, кого с обилием

ритуалов и предосторожностей избрали для этого пути. Мало кто из братьев-воинств мог пережить обряды сдержанности. И еще

меньше из них смогли подчинить себе демона после слияния.

Разумеется, был период борьбы, когда Драк Шал пытался захватить главенство, однако Бүриас победил, утвердившись в своем

господстве. Он переродился. Вся прошлая жизнь забылась.

Драк Шал дал ему силу -- огромную силу -- а также скорость, хитрость и чрезвычайно ускоренную регенерацию, благодаря которой

Бүриас восстанавливался после ран, которые убили бы любого другого костогесантника. Он сражался на фронтах тысячи войн, но

от бесчисленных полученных им ран не оставалось ни единого шрама -- до настоящего момента. После слияния с демоном все его

чувства обострились, выйдя за пределы того, что он когда-либо мог представить. Он мог видеть в абсолютной темноте без помощи

оптических улучшений шлема. Ощутить вкус капли крови в воздухе с расстояния в сотню метров. Бежать со скоростью

бронетранспортера «Носорог» и не останавливаться целыми сутками. Силой он легко мог сравниться с пятью своими

братьями из

числа Несущих Слово.

- Ты ничто без Драк`Шала. -- сказал Мардук, стоя над ним после того, как удерживавшие его ныне оковы заварили. Бүриас и

Драк`Шал взревели как огни, зная, что произойдет, но не имея возможности предотвратить это. Темный Апостол улыбнулся, когда

руны полыхнули огнем, загоняя демона в насильственный сон. -- Это наказание за твое предательство, Бүриас.

От этого воспоминания мышцы напряглись, а губы скривились в оскале.

Тебе выбирать, каким путем идти, Бүриас. Слева свобода, справа же -- рабство.

Бүриас откуда-то знал, что увидит справа, но все же был вынужден взглянуть. От ужаса увиденного он на мгновение оказался где-

то в другом месте: захлебывающийся, ослепший и кричащий.

Этот миг прошел так же быстро, как и

наступил, и он устоял в глубокий
альков, похожий на логово какого-то
громадного зверя. В

тени неподвижно сгорбилась механическая
телница, которой суждено было навеки
стать гробницей Буриса.

Дредноут.

Боевые машины колоссальной мощи с
корпусом, покрытым тяжелой абляционной
броней, и суммарным вооружением,
сопоставимым с танком передней линии,
дредноуты были сконструированы в начале
Великого крестового похода. Всякий раз,
когда

Легион терял боевого брата, вместе с ним
утрачивалось богатство добытых
тяжким трудом знаний и мудрости,
особенно если речь

шла о капитане или ветеране. Дредноут
был создан, чтобы дать величайшим
воинам и героям Легиона возможность
жить даже

после получения смертельных ран.

Это была благородная цель, казавшаяся

очень достойной, однако тарсианские создатели машины не предвидели ужасного и

мучительного существования, которое были вынуждены терпеть помещенные внутрь. После утраты телесных чувств их существование было пустым и бесконечным. Они были обречены никогда более не испытывать физических ощущений

и оказывались отрезаны от всех и вся.

Для этих несчастных то единственное, ради чего их генетически взрастили и натренировали -- война -- теперь было бездушным и не

приносящим удовлетворения переживанием. Они превращались в живые боевые машины, способные сеять опустошение на целых

полях сражений, однако жестоко лишенные возможности извлечь из этого удовольствие. Им никогда не суждено было вновь испытать прилив адреналина в бою, отгачу болтера в руках или увидеть, как

жизнь покидает глаза достойного
противника

после смертельного удара. Тогда
превращались в десятилетия,
десятилетия -- в века, века -- в
тысячелетия, и несчастные души,
приговоренные к ужасающей полужизни,
медленно и неотвратно погружались в
безумие, наполненное тоской по всему, что
они

утратили, и ненавистью к тем, кто их
заточил.

Поэтому требование Мардук взять
Бүриаса, здорового и живого воителя
Воинства, и насильственно поместить его
внутрь было

проявлением чистой злобы и варварства.
Желание скорее заставить вечно
страдать Бүриаса, чем вырвать из
хватки смерти

смертельно раненого брата-воителя,
говорило о жестокости Темного
Апостола.

Бүриас с нарастающим страхом

установился на громадную неподвижную
машину.

Та стояла на толстых бронированных
ногах, ширина массивного торса была
почти равна росту машины. Обе руки
оканчивались

громадными силовыми когтями, спокойно
свисавшими по бокам. Архаичный и
устрашающий шлем -- один из ранних Мк-
II -- был

наполовину скрыт воротом из усиленного
адамантия. Линзы гребноута были
темными.

Машина являлась древней реликвией,
святилищем темных богов, и ее броня
представляла собой творение
несравненного

мастера. Каждый сантиметр темно-алой
шкуры был покрыт затейливо
вырезанными священными текстами, а по
краям каждой

пластины шли шипастые металлические
ленты. С восковых печатей свисали полосы
пергамента, исписанные глинными

псалмами священного текста.

В груди гредноута зияла пустота. Место для саркофага. Там будет погребен Бүриас, и вовсе не как прославленный мученик XVII Легиона -- все его раны были результатом пыток, устроенных хирургами Воинства. Нет, его поместят в гредноут в качестве

наказания за то, что он осмелился выступить против своей клятвы повелителю Маргүкү.

Позади находился второй алтарь, повторявший плитү, к которой он был прикован. На нем покоился саркофаг. Его саркофаг. Он был

до краев заполнен жидкостью и ребристыми шлангами, через крошечные перевешивались кабели и трубки. Некоторые были

подсоединены к стеклянным цилиндрам, заполненным мутной амниотической жидкостью, прочие же безжизненно обвисли, словно

паразиты, ожидающие прикрепления к

носителю.

Гроб был небольшим. Чтобы Бүриас поместился внутри, ему ампутируют руки и ноги. В нервную систему воткнут кабели и провода, в кору головного мозга загонят импульсные иглы. В него вставляют питательные трубки, ребристые шланги и кабели, и легкие

заполняются насыщенной кислородом жидкостью. После того, как гробницу запечатывают, ее уже никогда нельзя будет открыть.

Во время войны его поместят в дредноут и выпустят на врага, но все прочее время саркофаг будет лежать без действия, собирая

пыль в крипте «Инфигүс Диаболүс». Лишившись внешних раздражителей, он тем не менее будет пребывать в сознании, запертый

в Пытке...

Реально лишь то, что ты решил принять.

- Ты говоришь одними загадками, -

огрызнулся Бүриас. - Ты говорил, что
пришел помочь мне.

Так и есть.

- Тогда скажи, как выбраться из темницы.

Разбей оковы.

Бүриас осекся.

- Что?

Разбей оковы, и станешь свободен.

Вот так вот просто, настелив
подумал Бүриас.

Так просто.

Бүриас устехнулся и слегка качнул
головой. Вот такая бесплотному голосу, он
потянул за связывающие его узы.
Заскрежетал зубами

и застонал от натуги, но металлические
звенья нисколько не поддались. Он
прекратил усилия. Оковы были слишком
крепкими.

Они не слишком крепки, Бүриас. Вера --
путь к свободе. Поверь, что ты в силах
сокрушить их, и сможешь сделать это.

Бүриас сделал глубокий вдох, собираясь с

силати.

- Ломайтесь, ублюдки, - прошептал он, а затем рванулся в цепях со всей своей чудесной генетически усовершенствованной силой.

Устерзанная, освежеванная мускулатура напряглась, вены чудовищно вздулись, словно ползущие под кожей черви. Он взревел, натягивая цепи и используя запасы сил, о существовании которых и не знал.

Он ощутил, как внутри него что-то движется.

Вырезанные на оковах клинописные символы вспыхнули от нарастания тлевшей в них мощи. Тягучая интонация канторов чуть-

чуть усилилась, став более напряженной, а двое дремлющих теханогетонических экзекьюторов, приставленных охранять его, пробудились, подавшись вперед на громадных металлических шарнирах и издавая из вокс-регистров гнусавое пощелкивание.

Зрение Бүриаса затянуло красным, все

тонуло в звук пульсирующей в ушах крови. Он не слышал, но знал, что продолжает реветь.

Ручнические обереги раскалились добела, и Бүриас уловил приглушенный запах горячей плоти -- кожу вокруг кандалов снова

сжигал жар металла. Но он едва ощущал это.

Экзекуторы двигались вперед, приближаясь, установленные на предплечьях роторные автомашки щелкали и трещали. Он

приподнялся на плите, спина выгнулась от напряжения.

Первая слабость в оберегах появилась, когда один из канторов начал подергиваться. Его речь стала сбивчивой, и он забился в конвульсиях. Из ноздрей и ушей хлынула кровь.

Что бы ни поразило кантора, оно было явно заразным, поскольку его соседи начали трястись и заикаться. Пение лишилось связности и внезапно

превратилось в спутанную неразбериху
спорящих и запинающихся
голосов. Удерживающие

Бүриаса пылающие рүны прерывисто
засверкали, а роторные пүшки экзекүторов
с визжанием начали вращаться. С воплем,
от

которого замерцала реальность, демон
внутри Бүриаса рванүлся на поверхность,
поднимаясь, словно чудовище из глубин.

Охранительные рүны разлетелись на
мелкие блестящие осколки, а в мозгах
поющих канторов произошло массовое
кровоизлияние.

Драк Шал оказался на свободе.

Преображение произошло быстро.
Очертания Бүриаса замерцали и
исказились, словно изображение в
дефектном пиктосконе,

мечущимся туда-сюда между гвүтя
несовместимыми картинками. Как бүгто
два сүщества с абсолютно разной
физиологией

боролись друг с другом за место, и законы

реальности не знали, кому отдать предпочтение. Вместо того, чтобы сделать выбор, два

изображения расплывались, становясь одним.

Узо лба Бүриаса Драк`Шала выросли изогнутые рога, а плечи внезапно раздұлись от дополнительной мұскұлатұры, плоть меняла

форму, словно воск. Из локтей и по всей длине позвоночника вырвались зазұбренные шипы, а на ребрах предплечий простұпили

костяные гребни. Пальцы срослись, образуя толстые когти глиной с бедро мертвого.

Алое адское пламя полыхнуло в глазах, которые представляли собой резко углубившиеся прорезы на звероподобном лице. Тонкие губы растянулись, демонстрируя

зазұбренные зубы хищника.

Все изменения произошли в течение миллисекұнды, быстрее, чем теханогемоны-охранники успели зафиксировать угрозу и

открыть огонь.

Чувствуя свирепый прилив порожденной
варпом силы, Бүриас Драк`Шал метнулся
вверх. Руки и шея вырвались из
сдерживавших

его оков, без усилия разорвав толстые
звенья. Одна из цепей выдержала, но
удерживавшая ее тяжелая скоба выдралась
из пола, прихватив с собой кусок рокрыта
размером с человеческий торс.

Ноги Бүриаса Драк`Шала оставались
скованы, и он крутанул цепь, словно
кустень, когда экзекуторы начали
стрелять. Глыба

рокрыта с размаху врезалась одному из
них в висок, бронированный череп стаялся,
разбрызгивая кровь и изъеденную раком

мозговую ткань. Грубая и жестокая мощь
удара почти сорвала голову конструкции с
толстой от сервоприводов шеи. Потеряв

равновесие, автомашка перечеркнула
комнату шквалом крупнокалиберных
зарядов, которые разорвали тела одетых в
черное слуг и

оставили выбоины на гальной стене. На пол посыпался ливень выброшенных гильз.

Второй экзекутор поливал Бүриаса Драк`Шала яростным огнем, но одержимый Несущий Слово уже двигался так быстро, что глаза

смертного не смогли бы за ним уследить. Он использовал собственную инерцию, чтобы скатиться с запятой кровью каменной

плиты, разорвав цепи, которыми были скованы его ноги. Он вертелся, уходя от выстрелов, а за ним следовали разрывы.

Небрежным толчком Бүриас Драк`Шал отшвырнул назад одного из трусливых мучителей в черных плащах. Тот пролетел десять

метров по воздуху и с тошнотворным влажным хрустом ударился об одну из колонн. Бүриас снова взмахнул цепью с грузом,

раскручивая ее в направлении все еще остававшегося на ногах экзекутора.

Механогетон прекратил стрелять и

протянул руку, чтобы поймать цепь в начале затаха. Массивные звенья трижды обмотались

вокруг бронированной перчатки, глыба рокута ударилась о броню на предплечье и раскололась. Свирено рванувшись,

экзекутор схватил цепь, и Бүриас Драк`Шал, пошатнувшись, рухнул на колени.

Звероподобная конструкция триумфально взревела и с удивительной быстротой рванулась вперед, опираясь на все четыре конечности. Она высоко подняла громадный кулак и обрушила его вниз, натереваясь вбить Бүриаса Драк`Шала в пол.

Одержимый воин перекатился, и удар экзекутора пришелся по плиткам пола. От удара побежали трещины, вся комната содраслась.

Бүриас Драк`Шал пополз прочь, но экзекутор сумел ухватиться за все еще пристегнутый к левой ноге короткий кусок цепи. Уздав

торжествующий рык, оглушительно
раскатившийся в заткнутом помещении,
существо оторвало его от пола и ударило
сначала об

одну из каменных колонн, а затем - о
противоположную стену.

Бүриаса Драк`Шала швыряло из стороны
в сторону, летела пыль и крошился
камень. Один из прятавшихся в углу слуг в
черном

одеянии был раздавлен, он оказался на
пути дикой ярости экзекутора, и его
хрупкие кости разлетелись под весом
подержитого

воителя.

Затем Несущего Слово жестоко швырнуло
через всю комнату. Он врезался в дальнюю
стену, треснувшую от удара, и рухнул на
пол. Привстав на одно колено, он сплюнул
кровь, на мгновение ослепнув от боли.

Экзекутор взревел и снова двинулся на
него.

Двигайся. Прыгай вправо.

Бүриас Драк`Шал метнулся вбок, как

велел голос, и экзекутор со страшной силой врезался в стену. С потолка сыпалась

цементная пыль, а по стене, будто вены, побежали трещины. Плечо чудовищного экзекутора ушло в камень на полметра, колоссальная мощь удара, казалось, на мгновение оглушила его.

Убей его.

Зарывав, Бүриас Драк`Шал взлетел вверх по бронированному телу экзекутора, карабкаясь на сгорбленные плечи, пока тот пытался

выбраться из крошащейся стены. Из решетки вокса вырвался яростный рев тусорного кода, и существо крутанулось, пытаясь

сбросить его, однако Бүриас Драк`Шал удержался, крепко вцепившись одной рукой в край панциря и глубоко всадив когти в

кератит. Бронированная шкура экзекутора могла сравниться с толщиной лобовой брони боевого танка «Хищник», однако

сочленения были сравнительно уязвимы. Недостаток компенсировался наложением пластин обшивки друг на друга и прикрывающим шею высоким воротом, но это была мощная защита против фронтальной атаки, стоящему на плечах врагу мало что можно было противопоставить.

Бүриас Драк`Шал начал взгонять когти свободной руки в открытую шею экзекутора, врѣбаясь в плотно сжатую массу пучков волокон, сервоприводов и ребристых кабелей. Забрызгивая лицо Бүриаса Драк`Шала, выплеснулись масло, млечная жидкость и зловонная синтекровь. Из ран ударили искрящиеся разряды электричества, и экзекутор взбесился.

Безумно вертясь, ревя и вопя, он отчаянно попытался сбросить меньшего по размерам противника. Существо попробовало впечатать Бүриаса в одну из колонн, со всей силы рванувшись назад, но тот удержался, рѣбая шею, вырывая кабели и

синтетические мышечные
волокна, подбываясь к расположенной глубже
узвитой нейронпроводке.

Рев-сводка механогемона стенился
жалобным трескучим визгом -- начала
отказывать нервная система. Он,
подергиваясь, рухнул

на пол, под ним растеклась жизненная
жидкость, беспрпятственно бежавшая из
растерзанной шеи. Существо цеплялось за
жизнь, тщетно пытаясь выпрямиться,
однако оно полностью утратило
координацию и не могло подняться.

Бүриас Драк Шал прикончил его, пробив
одним из когтей затылок бронированного
черепя, а затем перевел дикий взгляд на
группу

меньших существ, прятавшихся по углам
комнаты, натереваясь выплеснуть свою
ярость на их плоть.

Уходи. За тобой идут остальные.

Щерясь, он двинулся к перепуганным
аколитам.

Перекрученная и сорванная с петель

громадная гверь катеры вылетела наружу. Она врезалась в противоположную стену, и Бүриас Драк`Шал выскочил через зияющий проем в широкий тенистый коридор. Его руки по локоть покрывала запекшаяся корка, а

подбородок был забрызган яркой кровью. Снаружи катеры стояли четверо часовых. Бүриас Драк`Шал не остановился поработыслить, почему они не вошли в катеру на звуки развернувшейся внутри какофонии насилия, хотя можно было бы предположить, что в этом месте подобные звуки не были чем-то необычным. Они набросились на него с гудящими от энергии

фальшионати и утерли, продолжая сжимать в руках оружие.

Когда его плоть принадлежала ему самому, Бүриас был превосходным и искусным воителем, уравновешенным и элегантным.

Но когда он становился единым целым с бетоном, то превращался в чистую

звериную ярость.

Он оторвал голову одному из часовых и вырвал зубами горло следующему. Третий погиб, когда броню на груди пробили

демонические когти, а последнего отшвырнул прочь удар тыльной стороной руки, который был столь силен, что раздробил

стражу хребет. Не останавливаясь, Бүриас Драк`Шал pokrutil массивной головой из стороны в сторону, пробывая воздух на вкус.

Потолок был высоким и сводчатым. Наверху, на шипастых контрфорсах, словно горгульи, сидели демоны-катарты, которые

безразлично наблюдали за ним. Драк скрывал лишённые кожи тела от глаз мертвых, но Бүриас Драк`Шал видел их отчетливо и

оскалился на них.

Группы облаченных в рясы кураторов и связанных клятвой слуг разбежались от него, падая второпях и завывая. Кающиеся,

чью

плоть крест-накрест пересекали
нанесенные или же саими раны,
преклоняли колени, взывая к нему и с
мольбатами воздевая

тонкие, словно принаглежащие скелетам,
руки. Наклонив голову набок, он не обращал
на них внимания, внимательно
прислушиваясь.

По залам разносился трачный звон
тревожных колоколов. Он слышал голоса,
громко рывающие приказы на боевом
диалекте

Колхиды, и топот по камню тяжелых
подбитых гвоздями башмаков, которые
направлялись в его сторону. До него донесся
звук

включаемого оружия. Он безошибочно
различил гудение плазменного оружия и
электрическое потрескивание хлыстов
покорности.

Зарывав, Бүриас Драк`Шал сорвался с
места и скачками понесся по коридору
навстречу звукам. Каждый прыжок рвал

кладку, когти

зарывались глубоко, толкая его вперед, спешка и ярость добавляли скорости. Он повернул по коридору на полном ходу, инерция

вынудила его вскочить на стену, но продвижение не затеделось, а только ускорилось.

Он обрушился на приближающихся воинов с неудержимой силой громового удара, прыгнув среди них и начав убивать раньше, чем те вообще заметили его присутствие или подумали поднять оружие.

Они принадлежали к принесшему клятву верности воинскому клану Сикаруса - усовершенствованным пост-людям, которых XVII Легион вывел для ритуальных схваток. Их лица скрывались за масками изолирующих дыхательных устройств и внешними

оптическими прицельными приспособлениями, а нервную систему захлестывали гиперстимуляторы. Они бы никогда не сравнились

с одним из Легиона, однако были хорошо подготовленными, элитными войсками, заслуживавшими уважения.

Впрочем, перед яростью Бүриаса Драк`Шала воины были словно дети. Трое из них погибло, не успев даже поднять руки для

защиты.

Возвышаясь над ними на высоту головы и плеч, Бүриас Драк`Шал пробивался через их ряды, разрывая и убивая.

Он отшибал вбок разворачивающиеся к нему стволы, и воины клана невольно убивали собственных братьев выстрелами мощных

хеллганов и плазменными зарядами в бешеной неразберихе. Бүриас сносил головы с плеч и выдирал руки из суставов. Разбивал

черепу о стены прохода и рассекал глотки скользкими от крови когтями. Извивающиеся хлысты покорности пытались обвинить его, но

он был слишком быстр, и их хозяева

погибли, забрызгивая стены горячей
кровью. Все это время Бүриас Драк`Шал
не

переставал наблюдать за возвышавшейся
позади толпы фигурой громадного воина.
Это ему принадлежал услышанный голос,
который выкрикивал приказы на языке
мертвой Колхиды. Он был одним из
Воинства, братом, Несущим Слово, бок о
бок с которым

Бүриас сражался бесчисленные годы. Его
звали Эштүн, и он входил в 16-ю когорту.

Почтенный ветеран Эштүн был стойким
и искусным воителем, которого, как
вспомнил Бүриас Драк`Шал,
предназначили для более

великих свершений после того, как в
ближнем бою на имперском мире Борос
Прим он расправился с тремя Белыми
Консулами, ублюдочными генетическими
потомками примарха Ультрадесанта
Жиллимана. В ходе сотни войн они были
товарищами, сражаясь

на бесчисленном количестве миров против

всевозможных противников. Однако во
траке душных коридоров ұзы братства
оказались
забыты.

Когда Бұриас Драк`Шал прыгнул к нему
через свалку, Эштүн обнажил ценной меч,
держа оружие обеими руками. Моторы
клинка

взревели, и адамантиевые зубья
завертелась в боевой готовности,
расплываясь в движении.

- Пора утирать, сүкин сын, - гортанным
бұлькающим голосом взревел Эштүн.

Воин был полностью закован в полный
боевой доспех, но даже он не смог устоять
перед яростью Бұриаса Драк`Шала.
Одержимый

воитель принял взмах ценного меча
Эштүна на предплечье, позволив
жужжащим лезвиям разорвать плоть. Те
глубоко вгрызлись, визжа и выбрасывая
сгустки крови и осколки кости, а затем
натертво застряли.

С вышедшим из строя оружием воин был

не в состоянии отразить ответный удар
Бүриаса Драк`Шала, который пробил
личину

рогатого шлема и воцарился в черепе
полуметровый коготь.

Эштун умер мгновенно, но продолжал
стоять, пока Бүриас Драк`Шал не
выдернул руку. Только тогда Несущий
Слово рухнул на

пол, словно марионетка с обрезанными
нитьями.

Бүриас думал, что убийство одного из
братьев-легионеров сильно отзовется
внутри, однако этого не произошло. Всего
лишь еще

одно убийство.

Приближались другие сородичи. Он чувствовал
их запах в воздухе.

Это Номазанники.

Какая-то его часть хотела сражаться,
однако эта схватка была не из тех,
которые он мог выиграть. К тому же он
знал, что ему

не даруют небытие -- Темный Апостол

был слишком злобным для этого. Он будет
даться, и от его руки погибнет немало
их

число -- включая Кол Багара, если
Корифей осмелится выйти против него --
но в конечном итоге Бүриас Драк`Шал
надеет.

Окровавленного и изломанного, его
отволокут обратно в камеру, снова свяжут
и скуют ремнями и ранами. Канторов
заменят, и их

монотонный речитатив возобновится. А
когда Мардук наест, его разорвут на
части и запечатают в избранном для него
бронированном саркофаге.

Провести вечность в ящике, медленно и
неуклонно сходя с ума, было не той судьбой,
которую он для себя желал.

Ты должен двигаться быстро.

Он перешагнул через труп Эшмуна и, ни
на секунду не задумавшись, расправился с
последними воинами клана на своем пути.

А затем побежал, ведомый на каждом
шагу звучащим в голове голосом.

От основных проходов, словно
многочисленные капилляры, вены и
артерии, ответвлялись неисчислимые
боковые коридоры,
вестибюли и туннели. С каждым
поворотом их становилось все больше —
тысячи проходов расходились
запутанными
сообщающимися лабиринтами, будто
замысловатая паутина.

И голос всегда направлял его.

Невозможно было определить, сколько
здесь находилось страдающих, тучных и
терзаемых целую вечность людей.

Впрочем, он

обдумывал это вопрос всего лишь
мгновение. Какая разница? Он на свободе, а
все остальное не относится к делу.

Бүриас проходил мимо сотен тяжелых
дверей и камер, большинство из которых
были закрыты и заперты на засовы. Из
многих

доносились крики страдания, вопли и
плач. Кураторы этого адского места

хорошо знали свое искусство. Казалось, что коридоры

будут тянуться вечно. Можно было на протяжении дюжины жизней блуждать по одному уровню и не побывать в другом и том же

коридоре дважды, а под землей располагались многие сотни уровней, вырытые в удрушливой пылающей сердцевине демонической

планеты, и постоянно выкапывались все новые.

Скованные узники с зашитыми глазами и ртами останавливались и поднимали мертвенно-бледные головы, когда они проносился

мимо. Принуждая к покорности, их хлестали плетями облаченные в черное кенобиты, чьи лица были скрыты под масками из

мертвой плоти.

По самым темным коридорам бродили уроды, в мясистых спинах которых были хирургически созданы жаровни. Они

существовали

лишь для того, чтобы нести свет туда,
где задерживались тени. В потаенных
альковах тела прозелитов бичевали
ухмыляющиеся

каратели, орудовавшие шипастыми
кнутами, которые росли из обрубков
запастий. Бесконечными рядами шаркали
десятки тысяч

кающихся, терпеливо и добровольно
ожигавших ритуального
жертвоприношения. Их разум был
парализован и превращен в

кашу бессвязными воплями парящих
Диссонансов. Многие стояли в колонне
неделями. Вокруг слабых и больных,
ожидая, когда

они упадут, кружили плотоядные
херувимы. Бурнас Драк Шал снова сошелся
в бою со своими пленителями у подножия
величественной широкой спиральной
лестницы, которая, закручиваясь, уходила
в незатумненный трак. Воздух пронзили
вспышки

лазерного огня, а автомашки однозадочных
рабов-стражей разорвали в ключья
разукрашенные фресками стены, пытаясь
навестись

на его быстро двигающуюся тень.

Он расправился со всеми, кто встал у него
на пути, и запрыгал по громадным
ступеням, перескакивая по восемь за раз.

Бүриас

Драк`Шал поднимался на верхние ярусы
Базилики Пыток. Его, не переставая,
преследовали следы запаха Номазанников.

Он не знал, сколько времени бежит.
Драк`Шал ушел, скрывшись внутри и
оставив его выжатым и страдающим от
боли. На Сикарүсе

всегда было трудно определить время.
Здесь оно не имело надежных критериев,
его течение определялось приливами волн
эфира. Внутри базилики оно текло
медленнее, чем где бы то ни было на
демоническом мире, ветры завихрялись
вокруг

поддерживаемых контрфорсами стен,

становясь вялыми и медлительными. Это не было случайностью — место постройки тщательно выбиралось, чтобы усилить и продлить страдания тех, кто находится внутри.

Тем не менее Бүриас еще никогда настолько не терял ориентацию, как теперь. Возможно, он бежал несколько минут или же многие

недели. Все произошедшее с момента побега из катеры слилось в нечеткое размытое пятно.

Он слутно вспомнил неупержимую потребность, которая вела его наверх базилики. Временами он поднимался по узким спиральм

винтовых лестниц, где разносились призрачные вопли и стенания. Иногда подтягивался по зияющим шахтам подъемников,

поочередно хватаясь руками за скользкие от слазки и маслянистой сажи цепи. Полз по трубам, залитым жидкой грязью и

карабкался по вертикальным каналам,

куда обычно сбрасывали трупы, чтобы
изломанные тела падали в чрево планеты.

Он

сражался и убивал всех, кто пытался
остановить его продвижение. Было ли
что-либо из этого реальным? Все казалось
сном.

Бүриас

пытался

сконцентрироваться на ускользающих и
обманчивых воспоминаниях, но они были
бесплотны, словно дым, и

растворялись, будто призраки, при
попытке ухватиться за них. Когда он
пытался понять, что происходит, то
казалось, что в

сознании проворачиваются ножи. Он тер
плечи, ощущая в них фантомные боли --
остаточные явления пыток, возможно -- и
приводившее его в затешательство, раз за
разом возвращавшееся онемение в руках и
ногах.

В легких было тяжелое ощущение
сырости, от которого дыхание
становилось затрудненным и болезненным.
Он слышал где-то

неподалеку глухой звук повторяющихся ударов, словно металл бил по камню. Бүриас упал на колени, острая тошнота угрожала

оказаться сильнее него. Тряся головой, он попытался сфокусироваться на реальности -- на том, что видел, слышал, осязал и ощущал.

Нельзя было позволить себе соскользнуть. Только не сейчас.

- Ты еще здесь, дух? -- прорычал он.

Я не дух. Но я здесь.

- Что происходит? -- выдохнул он. -- Что со мной творится?

Ты балансируешь на краю Пытки. Ты должен продолжать двигаться, иначеступишь.

- Мне этого не вынести, -- произнес Бүриас. -- Откуда мне знать...

Сконцентрируйся на том, что чувствуешь. Камень под руками, боль в мышцах. Кровь во рту.

Бүриас сделал, как велел голос. Тошнота и пульсирующая в голове боль отступили

вместе с металлическим ступом.

Силы медленно возвращались, и он вновь поднялся на ноги.

Твои преследователи снова приближаются.

- Тогда уведи меня отсюда, -- отозвался Бүриас.

Казалось, что прошла целая жизнь, пока он, моргая, не выбрался из тьмы и не обнаружил, что находится на одной из секций усеянной шипами стены с бойницами высоко на базилике. Над ним висели громадные шпиль, турели, башни и купола

многокилометровой высоты, который стремились к пылающему небу. Окутанные адским пламенем две обсидиановые луны смотрели вниз, словно немигающие глаза богов. В тепловых потоках и вихревых восходящих течениях лениво описывали круги

катарты, изредка спускавшиеся попиравать содрогающимися телами принесенных в жертву. Его привели к

громадному

собору, но неустанные преследователи
знали еще выше. Выходы на нижних
уровнях усиленно охранялись воинскими
кланатами,

сторожевыми орудиями и боевыми
братьями 34-го Воинства. Выбраться
там не было шансов.

Он позволил себе на мгновение оглядеть
поверхность Сикаруса -- мира, ставшего
родиной Несущих Слово. По выжженной
планете, насколько хватало глаз,
простирались плотно прижатые друг к
другу обширные соборы, храмы, церкви и
башни гехемахмет. Многие

из грандиозных сооружений достигали в
высоту дюжины километров и более,
однако Базилика Пыток вздымалась выше
всех.

Поверхность Сикаруса постоянно
изменялась, поднимаясь все выше к небесам
и владениям богов. Непрерывно возводились
более крупные и экстравагантные места
поклонения, которые сооружались поверх

старых рассыпавшихся зданий, словно
тянущиеся к солнцу и душащие соперников
лесные деревья.

На низкой орбите, словно кружащиеся
пустотные акулы, висели древние боевые
корабли, многие из которых служили
Легиону со

времен Великого крестового похода. Над
ними вращалось сводящее с ума небо.

Варп был наполнен пылающим свечением
и пульсирующей эфирной энергией. В
бьющем огне можно было частично
разглядеть

не подгающиеся описанию
полубожественные сущности — огромные
фигуры, которые сплетались и корчились,
дела боевые

корабли похожи на карликов. Кое-где
вниз тянулись жадные щупальца,
вытягивавшиеся в направлении рвущихся
ввысь строений

Сикарус.

Бурнас перегнулся через зубцы стены и
посмотрел вниз. Башни и летучие

контрфорсы внизу окутывал прилипчивый
желтый туман, который полностью
заслонял небосвод и более низкие
сооружения. В дымке появлялись
огромные демонические лица, рычащие
и ревеющие в беззвучном неистовстве.
Казалось, они стремятся подняться и
поглотить его, но не могут вырваться из
гряды

облаков. Он осознал, что блеклые и
зловонные очертания заворожили его.

Потазанники приближаются к тебе.

Мило головы Бүриаса просвистел болт, и
он метнулся в сторону, пригибаясь за
укрытием. Спустя долю секунды после
пролета

реактивного заряда до него донесся глухой
звук попадания.

Он обругал сам себя за то, что не
почувствовал, насколько близко подошли
преследователи.

Бросив взгляд за край арочного проема, он
увидел Потазанников – Несущих Слово в
громоподобной терминаторской броне. Они

появились из темноты и, подняв оружие,
воинственно зашагали к его позиции.
Линзы шлемов засветились красным,

когда автоцелеуказатели
зафиксировались на нем. Он с проклятием
нырнул обратно за угол балкона. Ударил
потрескивающий

заряд мелты, от которого рокнит
расплавился и потек, словно сироп.

- Ты завел меня в тупик, дух, - рявкнул он.

Для нас смерть -- это не конец, Бүриас.

За спиной на угол, разрывая кладку,
обрушилось еще больше выстрелов.

- Ну и куда тогда?

Вверх.

Драк`Шал моментально вернулся, и
Бүриас подскочил вертикально вверх,
цепившись ногтями за выдававшийся в
шесть метров

над балконом уступ. Край начал
крошиться, и он задержался в поисках
опоры, ощущая головокружительное
притяжение пустоты

вниз. Найдя упор для ног, Бүриас снова

совершил мощный прыжок вверх, ухватившись одной рукой за нижнюю часть прогнато

изваяния. Повиснув, он заметил, как на балконе внизу появляются Помазанники. Подтянувшись, он вскарабкался на демоническую

каменную фигуру, как раз когда они вскинули оружие и выпустили в его сторону поток огня.

Под уничтожающим обстрелом статуя раскололась. Воздух вокруг рассекли болтерные заряды и каменные осколки. Пролилась его

кровь, и он ощерился.

Бүриас Драк`Шал оттолкнулся от разлетевшейся головы изваяния, зацепился за выступающий плинт и продолжил быстрый

подъем, прыгая по наружной стороне базилики и перескакивая от опоры к опоре.

Он перетахнул через глиняный свес, перебирая руками и карабкаясь вдоль каменных ребер, которые образовывали

гүзи,

поддерживающие нижнюю часть
выступающего крыла базилики. Бүриас
уже не мог разглядеть Номазанников или
оставшийся

внизу балкон -- и то, и другое
необъяснимым образом поглотили
висевшие под ним плотные облака.

Заворчав от натуги, он подтянулся и
залез на уступ, потревожив рассеившегося
там катарта. Демон оскалился и нырнул с
края, плотно прижимая к телу лишённые
кожи крылья.

Двигаясь быстро и бесшумно, Бүриас
Драк`Шал скользнул в арочное окно и
оказался в глинном тенистом коридоре.
Он не видел ни

единой живой гүши, к стенам была
прибита согранная человеческая плоть с
сохранившимися волосами и ногтями.

Когда он приблизился, эту кожу рассекли
новые разрушительные символы,
нанесенные незримыми руками. Из ран
стекая по

стенам, хлынула кровь. Плоть начала
грожать и подергиваться, раскрылся
большой мутный глаз, бесстрастно
взиравший на него.

Рты распахнулись, мертвая плоть
начала стенать и невнятно бормотать,
судорожно колышась и содрогаясь.

Бүриас Драк Шал ускорил шаг, двигаясь
по коридору быстрыми прыжками.
Открывались все новые рты,
присоединявшиеся к
монотонному завыванию.

Снаружи опустился и завис в нескольких
метрах от окон галереи привлеченный
звукот летучий Диссонанс. Он повернул
бронзовую

решетку вокса, позади него тянулось
переплетение механических усиков. Тварь
разразилась оглушительным ревом,

какофонической завесой, от которой
болезненно завибрировали барабанные
перепонки. Это было звучание самого
Хаоса,

наполненное нечестивыми криками,

детским плачем, промышленным грохотом и бием сердец темных богов.

Среди шума знакомый голос произнес его имя.

- Бүриас.

Бүриас Драк`Шал в замешательстве уставился на парящий Диссонанс.

- Мардук? - спросил он.

Не слушай. Он скажет лишь ложь и обман. Лжец хочет утянуть тебя обратно в Пытку.

Но нему прокатилась вторая волна шума, и Бүриас пошатнулся, словно получил физический удар. Из ушей закапала кровь. Он

вновь услышал голос бывшего повелителя и господина, который танил его обратно... куда?... Казлось, он тонет. Это чувство грозило поглотить его.

Сконцентрируйся, Бүриас. Реально лишь то, что здесь.

Оступаясь после звуковой атаки, словно слепой, Бүриас, пошатываясь, прошел через арку в тень. В уединении трака было

прохладнее, а гребезжащий ветер, казалось, нетерпеливо тянул его дальше. Через считанные мгновения рев Диссонанса стих.

Тяжело дыша, он приостановил полет, пока снова не обрел контроль над чувствами. В ушах звенело от грохота.

Его ноздрей достиг знакомый запах, и губы растянулись в оскале, демонстрируя зазубренные зубы. Он крутанулся и внезапно ударил... но было уже слишком поздно.

Удар пренебрежительно отбили в сторону, и на его шею сошлись силовые когти.

- Привет, Бүриас, - прорычал Кол Багар.

Бүриас оказался поднят на метр над землей, вровень с Кол Багаром. Ноги тщетно брыкались вниз. На Корифее был терминаторский шлем с четырьмя клыками, голос казался низким механическим рыком.

- Пора возвращаться назад, Бүриас, - произнес Кол Багар. -- Ты не можешь

убегать вечно.

Трахея Бүриаса оказалась раздавлена, а артерии пережаты, что останавливало приток крови к мозгу. Он

стүтно разглядел в эллиптических линзах шлема Кол Багара искаженное отражение, однако на него смотрело не принадлежащее

ему лицо -- он увидел истощенный и гримасничающий труп. Из ноздрей и рта выходили трубки и ребристые шланги, лишенный

волос скальп испещряли разъемы, кабели и провода. Из грубо просверленных в черепе отверстий сочились кровь, масло и темная

слизь.

Бүриас Драк`Шал завопил, яростно размахивая руками и нанося удары, однако не смог разорвать сокрушительную хватку Корифея.

Кол Багар степялся над его иступленными попытками.

Зрение затүманилось и утратило

четкость, мозгу не хватало крови и кислорода. На краю обзора заплесали шепчущие тени, словно

ожигавшие его смерти трачные призраки. Реальность теркла, стены расплывались, повсюду вокруг вспыхивало пламя. Он ухватился за когти Корифея, силясь разжать их, однако силы угасали вместе с сознанием.

Шлем Кол Багара от погборогка до темени с тошнотворным хрустом рассекла вертикальная щель, разверзшаяся в зияющую

демоническую пасть, заполненную рядами кератитовых зубов. Челюсти раскрылись до невозможности широко, и Бүриаса поволокло внутрь. Из глубины глотки чудовища появились извивающиеся черные черви, которые тянулись к его лицу.

Если ты сдасься сейчас, то навеки сгинешь в Пытке.

- Нет! -- взревел Бүриас, напрягаясь, чтобы увернуться. В отчаянном приливе последней вспышки силы, он сумел

разорвать когти

демона и упасть на землю к его ногам. Бүриас быстро вскочил, нанося удар, однако ни в кого не попал. Он был один.

Коридор был пуст. Все еще сугорожно дыша, Бүриас, пошатываясь, прошел по узкому боковому туннелю

в вестибюль, наводненный облаченными в рясы прозелитами. Они торопились по своим делам, склонив головы и не обращая на

него никакого внимания. Воздух был плотным и приторным от дыма и благовоний, казалось, что стены сжимаются.

В дальнем конце зала виднелось адское сияние открытого неба, и он начал проталкиваться туда. Бүриас сражался с потоком

прозелитов и с трудом прокладывал себе путь сквозь напор зловонных тел. Но они все так же не реагировали на него, даже не выражали недовольства, когда он отталкивал их с дороги. Несколько упали

на пол и немедленно сгинули под живым приливом.

Бүриас осознал, что не приближается к цели, и начал прилагать больше усилий, отшвыривая оказавшихся у него на пути, с тошнотворным треском ломая кости и конечности. Он топтал упавших и давил их своей тяжелой поступью.

Наконец он выбрался на свет и оказался на широком мосту, перекинутом через пространство между двумя шпилями соборов

базилики. Вдоль моста стояли ряды изваяний Несущих Слово, каждое более пяти метров в высоту, с прикрепленными к доспехам

сотнями молитвенных свитков. Раздался скорбный звон колоколов, разнесшийся над сводящей с ума городской панорамой

Сикарүса. Перед ним появился поток верующих, которые, словно жидкость, обтекали его. Он был островом, одинокой неподвижной

фигурой посреди праведных, которых

призывали на службу колокола.

- Бүриас, - он снова услышал, как кто-то произносит его имя, и обернулся, выискивая источник звука в море опущенных лиц.

Ноги подогнулись. Они полностью онемели, и такая же потеря чувствительности с покалыванием поднималась по рукам. Он

внезапно ощутил себя запертым, страдающим от клаустрофобии и пойманным в ловушку посреди толпы.

- Бүриас Драк `Шал.

Не пускай его.

Запутавшись и утратив ориентацию, Бүриас схватился за голову.

- Что со мной происходит?

Вокруг толкались спешившие мимо тела.

Тебя зовут назад.

- Куда назад?

В Пытку.

Громадные статуи Несущих Слово начали двигаться, спускаясь с пьедесталов. Камень на фигурах крошился, открывая кроваво-

красную броню. Они двинулись через толпу
в направлении Бүриаса в такт звону
далеких колоколов, прижимая к груди
гигантские

болтеры.

- Это не может быть реальным, -
прошептал он, поднимаясь на ноги.

Толпа повернулась, словно впервые
заметив его. Они торопливо рванулись
вперед, бормоча в экстазе на непонятных
языках. Верующие сгрудились вокруг, в
глазах лихорадочно пылала вера, они
протягивали руки, чтобы прикоснуться к
нему.

- Благослови нас, о великий, - взмолился
костлявый прозелит, цепляясь за его ногу.
Бүриас пинком отшвырнул ничтожество,
переломав человеку кости.

- Это не может быть реальным, - снова
произнес он, проталкиваясь из толпы к
краю моста.

Только это реально, Бүриас. Все
остальное -- Пытка.

Гигантские Несущие Слово приближались,

каждым шагом сотрясая мост и давя всех, кто не сумел достаточно быстро убраться с

дороги.

Беги. Сражайся. Убивай. Сделай это, и сможешь жить здесь вечно.

Бүриас расхохотался от абсурдности происходящего, вскарабкался на край низкого парапета парящего в вышине тьмы и глянул

вниз. Даже его демоническое зрение не могло преодолеть тошнотворные облака внизу.

- К черту это, - прорычал Бүриас.

- Бүриас Драк`Шал, - в унисон произнесли все прозелиты голосом Темного Апостола Мардукка. -- Уди ко мне.

Огромные изваяния подняли болтеры, стыкаясь вокруг. По сознанию Бүриаса полеснул голос с оттенком отчаяния.

Не делай этого!

- И вас обоих к черту, -- сказал Бүриас, обращаясь одновременно и к призрачному голосу, и голосу господина. Он отвернулся

от

толпы верующих.

Высоко подняв голову, он раскинул руки в стороны, закрыл глаза и глубоко вдохнул.

Повсюду вокруг раскатился гром огня гигантских болтеров, но Бүриас уже позволил себе завалиться вперед.

- Нет! Нет! - закричали все прозелиты как один.

Бүриас мощно оттолкнулся и, сохраняя позу распятого, камнем рухнул в туман. Мимо проносился воздух, но он не открывал глаз, вверив себя Губительным Силам.

Казалось, что он летит, парит в эфире вместе с катартами. Не омерзительными бескожими гарпиями, которые заполняли небеса

Сикарус и часто посещали «Унфигус Диаболус», а теми прекрасными ангельскими созданиями из чистого света, которыми

демоны становились в глубине течений Варна.

Он тонул. Легкие наполняла теплая и
 умерзительная густая липкая жидкость.
 Он закашлялся и захлебнулся, крича от
 шока и

злости. Звук приглушался заполнявшими
 горло и ноздри толстыми пучками трубок
 и шлангов. Все, чего он добился --
 вытолкнул

наружу тот остаток воздуха, который...
 - Нет! -- брыкаясь и колотя по своей
 темнице, взревел Бүриас, а затем вновь
 начал падать через пустоту.

Тряда облаков резко разошлась, и он пробил
 огромный купол из цветного стекла.
 Стремительно падая вниз, Бүриас
 прокатился и

заскользил по парящему контрфорсу,
 чтобы погасить силу удара при падении, а
 затем свалился на пол и приземлился на
 одно

колесо. Его плоть усеивали осколками
 цветного стекла, и еще больше ливнем
 падало вокруг, наполняя воздух звенящей

музыкой.

Он оказался в крохотной часовне. Это было скромное и аскетичное место, простейшее святилище темных богов, лишенное величия

и торжественности, которыми была поражена остальная часть Сикарус. В одной из стен был вырезан простой алтарь, наг

которым располагался череп с выжженной на лбу ровной восьмилучевой звездой Хаоса.

В тени арки стояла безжизненная огромная фигура Разжигателя Войны. Когда Бүриас взглянул на гредноут, у него зачесалась

кожа, а в руках и ногах закололо.

- Ты не должен здесь находиться. - произнес женский голос, и Бүриас Драк Шал, рыча, резко развернулся. Он не ощущал чужого

присутствия в комнате.

Судя по одежде и манерам, это была проводница. Она стояла в тени, облаченная в ряску цвета свернувшейся крови. Капюшон

был

откинут, открывая угловатое бледное
лицо. На месте глаз зияли пустые ямы, но
казалось, что она безошибочно смотрит на
него.

- Ты забрался слишком глубоко.

Драк `Шал неистовствовал внутри,
требуя напасть, расправиться с ведьмой и
уходить, однако он устоял. Загнал демона
обратно.

Тот сопротивлялся, пытаясь обрести
главенство, но Бүриас давным-давно
одержал верх в этой старой схватке.

Драк `Шал с

негодованием отступил, погрузившись
внутрь. Благодаря появлению демона раны
от пыток исцелились. Осталась только
засохшая

на коже кровь.

Плоть не портили никакие шрамы. На
мгновение ему показалось, что он слышит,
как далекий голос произносит его имя. Он
потряс

головой, избавляясь от сбивающего с толку

наваждения.

- Кто-то ждет меня здесь, - сказал Бүриас.

- Кто он?

- Тебе не нужен ответ, - произнесла провидица. -- Ты уже знаешь его.

- У меня нет времени для загадок, - пробормотал Бүриас, поворачиваясь, чтобы уйти.

- Здесь время не имеет значения, - потопталась она. -- Тебе это известно.

- Говори понятно, ведьма, или молчи.

- Это он освободил тебя из оков, - сказала она, приведя его в замешательство. -- Это он привел тебя сюда.

- Освободил меня? -- ощерился Бүриас через плечо. -- Я освободился сам!

- Нет, -- произнесла провидица, качая головой. -- Он сжег удерживавшие тебя берега, открыл дверь, чтобы ты пришел сюда, пришел к нему. Однако я вижу, что твой разум отказывается принять то, истинность чего уже известна твоему сердцу. Тебе нужно

узреть, чтобы поверить.

Она отступила от простой деревянной двери и указала в том направлении. Бүриас нахмурился, испытывая злость, однако прошел

мимо нее и коснулся рукой грубо вытесанных панелей двери. Та с легкостью распахнулась внутрь, открыв узкий проход. Пригнув

голову, он вошел и двинулся по коридору, пока не оказался в лишенной окон круглой молитвенной комнате, которую освещала единственная свеча, горевшая в арочном алькове. Помещение было маленьким, такими пользовались постыющиеся кающиеся и

аскеты. Стены были покрыты крохотными аккуратными надписями. Он узнал почерк. Ему уже доводилось видеть подобное раньше.

- Бүриас. Бүриас Драк Шал.

Опять этот голос. Два сердца Бүриаса начали колотиться. Он не мог дышать. Вдалеке в унисон с сердцами стучали металлические

угары.

Его взгляд упал на фигуру, стоявшую на коленях посреди комнаты. Она была обращена к нему спиной и облачена в простую рясу

из грубой и неокрашенной ткани. Голая кожа скальна блестела в свете свечи, словно золото.

Фигура поднялась на ноги. Казалось, что она разрастается, заполняя круглую комнату, будто увеличиваясь в объеме до гигантских

пропорций. Затем иллюзия исчезла, и Бүриас осознал, что фигура не выше его.

Она повернулась, и Бүриас взглянул в золотое лицо полубога.

Глаза начали кровоточить, разум взбунтовался. Душа содрогнулась, и Бүриас опустился на колени, не дыша и задыхаясь.

Казалось, что отдернулся занавес, и стены святилища исчезли, стенившись тьмой и ревущим пламенем. Со всех сторон обрушилась сводящая с ума какофония рева и криков.

- Уризен? Повелитель? - выдохнул он.

Огонь выжигал легкие, но его это не волновало. Разум кружился. Он не понимал.

Примарх XVII-го заперся в добровольном заточении внутри Темплум Инфицис задолго до создания Бүриаса. Как он мог находиться

здесь? Где они были на самом деле?

Сердца Бүриаса грохотали, словно гром, колотясь с перебоями и опасной частотой. Он не мог дышать. Он тонул. Он ослеп.

Посмотри.

Голос был бархатным и мягким, вновь спокойным и рассудительным. Это был тот же голос, что вел его к свободе, но теперь он

казался более мощным и наполненным жизнью. В нем присутствовала контролируемая глубина, которая была практически

болезненной.

посмотри.

Он открыл глаза. Перед ним стоял не святой примарх XVJJ Легиона. Бүриас глядел на самого себя.

Он дернулся, и видение пропало. Он был один в холодной тьме.

- Бүриас.

Этому голосу было здесь не место. Это было вторжение. Он попытался не обращать на него внимания, однако сопротивляться

было невозможно. Он противился, однако голос тянул его обратно в сознание.

- Бүриас Драк Шал.

Он тонул. Легкие наполняла теплая и умерзжительная густая липкая жидкость. Он закашлялся и захлебнулся, крича от шока и

злости. Звук приглушался заполнявшими горло и ноздри толстыми пучками трубок и шлангов. Все, чего он добился -- вытолкнул

наружу тот остаток воздуха, который у него имелся.

Он в панике осознал, что полностью

погружен, а при попытке подняться ударился о твердую неподавливаемую поверхность. Бүриас

дикое забился, колотясь о стены темницы и отчаянно ища выход. Выхода не было. Он был заперт и тонул.

Руки отказывались повиноваться, он не мог пошевелить ими. Он видел одну лишь темноту. Бүриас чувствовал вкус масла и крови, аккумуляторной кислоты и желчи. Его жестоко рвало, но едкой мерзостью нигде было вылезти.

Силы угасали вместе с сознанием. Вокруг него громко разносился металлический лязг, удары и визг двигателей. За всем этим он

слышал приглушенное бормотание голосов, но не мог уловить смысл слов.

Близился конец, и усилия ослабевали. Легкие бунтовали, вынуждая его рефлекторно глубоко втягивать жидкость и собственную

рвоту. Он начал биться в конвульсиях, жестоко дергаясь и содрогаясь. Затем

наступило забытие. Однако оно продлилось недолго.

Он очнулся во тьме. Было больно. Вокруг не было вообще ничего, и он знал, что находится в аду. Бүриас взревел голосом, который ему не принадлежал. Он услышал этот механический скрежещущий вопль тупки при помощи ушей, которые не были его

ушами: внешние сенсоры переводили услышанное в электрические импульсы, которые передавались напрямую в кору головного

мозга. Он стиснул в кулак не принадлежащую ему руку, и огромные клинки-пальцы силовых ногтей сжались. Он вновь обрушил

громадный кулак на каменные стены тюрьмы. Раздался глухой звук удара металла о камень. Этот звук...

- Бүриас, - произнес голос. - Бүриас Драк`Шал.

Это был голос, который звал его назад. Голос, который привел его в этот ад. Он

развернулся в ту сторону с визгом сервоприводов.

- Наконец снова в стране живых. По крайней мере в некотором роде.

Оптические сенсоры интерпретировали увиденное. Рядом стояла фигура, которую он узнал.

- На этот раз ты был глубоко, - произнесла она. -- Я не был уверен, что ты выйдешь. Ты сопротивлялся моему зову дольше всего. Я

впечатлен.

Бүриас рванулся к фигуре, приводимые в движение пневмопоршнями ноги понесли его вперед, громадные когти потянулись сокрушить ее, однако скрепленные пылающими рунатами огромные цепи остановили его, сдерживая механическую мощь.

Темный Апостол Мардук растаял.

- Ну-ну, Бүриас. Умерь пыл.

Ненависть пронеслась по тому, что осталось от тела Бүриаса -- подвергнутому ампутациям, прогнившему

и скрючившемуся, словно

эмбрион, в атниотической жидкости
внутри установленного в сердце машины
саркофага.

Ненависть. Это он еще мог чувствовать.
Могучие кулаки неосознанно сжимались и
разжимались. Всеми оставшимися
фибрами

своего существа он хотел размазать в
кашу творца своих страданий.

- Сколько на этот раз? -- выдал Бүриас
низким и замогильным голосом,
звучавшим, словно скрежет катней груг о
груга.

- Недолго. Примерно девяносто семь лет.

Бүриасу это показалось вечностью. Он
задал, сколько еще сможет выдержать.

- Зачем ты пробудил меня на этот раз? --
прорычал он. -- Нет такой пытки, которой
ты бы смог меня подвергнуть, чтобы
сделать мои

страдания еще более полными.

- Пытки, старый груг? Нет, ты
заблуждаешься относительно моей цели, --

произнес Мардук. -- Я пришел к тебе,
поскольку Воинство

выступает на войну. Сейчас я освобождаю
тебя от пытки. Время снова убивать за
Легион.

В смерти не было ничего страшного. Он
был бы даже рад ей. Но когда ему в ней
отказали, на втором месте оказалась
возможность

снова убивать. Бүриас прекратил
сопротивляться.

- Война? -- прогремел он, не в силах
изгнать из своего скрежещущего
механического голоса нетерпение.

- Война, - согласился Темный Апостол.

В сознании Бүриаса раздался вкрадчивый
голос.

Это все не по-настоящему

...